

Не представляю себе Высоцкого 60-летним. Да к тому же — вот передо мной сидит молодой Высоцкий — Никита. Сын Владимира. И как похож... Особенность моментами, когда взглянет на тебя в упор, чуть исподлобья, и зазвучит в голосе «жегловский» металл.

Это сходство воспринимается тем более органично, что теперь главным содержанием жизни Никиты Владимировича, профессионального актера, стало увековечение памяти отца: он директор Государственного центра-музея Владимира Высоцкого. Того самого, что расположился в одном из переулков рядом с Театром на Таганке, в старом, не лишенном своеобразного московского обаяния доме, где когда-то квартировал сам Владимир Семенович. Место — очень соответствующее характеру Высоцкого.

— Отец, безусловно, был народным героем, — начинает Никита Владимирович, — он искал такого героя в своих песнях, он сам им в конце концов стал. Он воплотил в себе извечные идеалы музыкальности, неудержимого порыва к свободе, любви, которая сильнее всех преград. Да, было известно, что он артист, играет в конкретном московском театре, снимается в конкретных фильмах. И вместе с тем — все эти легенды о том, что он еще и летчик, что он обладает необыкновенной физической силой, что он, как Енибаров, умеет стоять на одной руке, что он покоряет всех женщин, встречающихся на его пути, что перед ним трепещут власти предержащие, — я сам слышал это от вполне нормальных людей... Это настоящий современный фольклор, мифотворчество. Не зря Высоцким заинтересовались художники-митяки, они даже посвятили ему шуточный календарь на юбилейный 1998 год; он мне очень нравится, потому что в нем как раз отражен этот миф, этот народный образ — чистый, по-детски наивный, светлый, веселый... В отце самом ведь была бездна юмора. Я помню его концерты последних лет, почти в каждом из них он пел песню «Дорогая передача» («Письмо в редакцию из сумасшедшего дома») — к середине песни публика сползла под кресла, люди становились: хватит уже, невозможно смеяться, больно, все обрываются внутри...

— Культ любимого артиста, поэта — это специфически русское явление?

— Да, я думаю, это специфически русское, а в такой степени — специфически советское явление. Тогдашняя жизнь зияла пустотами: Пастернак не печатался, нормального фольклора не услышишь, только стилизации — 200 человек в кокошниках и сарафанах, все неестественное, ненастоеющее... А он был настоящий, и он обращался ко всем, к каждому.

Мне рассказывала Марина (и этот эпизод есть в ее книжке), что как-то отец выступал в одном американском зале. И там был представлен следить за порядком негрополицейский — двухметровый верзила с наручниками, пистолетом и т.п. Так вот, когда отец запел, с залом (в котором большинство понимало по-русски) стало твориться что-то невообразимое. Негр заметался, закричал: о чем он там орет? Он не понимал ни слова, но чувствовал, что тот, кто хрипит сейчас на сцене, затрагивает в душах этих загадочных русских нечто совершенно особенное...

Вот сейчас в России много говорят о национальной идее. Словами эту идею трудно определить: она, как жизнь, подвижна и богаче любой формулы, на плакате ее не напишешь. То есть ее можно в какой-то момент зафиксировать — художник ее может передать через холст, поэт — через стихотворение, певец — через песню. И в таком смысле зерно этой идеи — обостренное ощущение правды, страстное стремление к этой самой правде — было в творчестве отца, в самой его жизни.

Я понимаю, почему Шафаревич, называющий себя патриотом, или Куняев, писавший об отце разгромные статьи, отказывают ему в праве на такую национально-объединяющую роль. Говорят, что он не более чем идол для ограниченного слоя фанатиков, наподобие какого-нибудь рок-музыканта, что он не умел писать стихи... Поэтому что им нужен именно плакат. Отца же на плакат — никак. Для него жизнь была — движение, он — сама незавершенность, многочлене. Представить себе его иконописным, со сдвинутыми бровями, с поднятыми пальцами, как любит позировать на манер проводника тот же Шафаревич, невозможно.

Меня другое смущает. Один проведенный недавно опрос показал, что информированность о Высоцком и интерес к нему наблюдается в основном у людей от 30 и выше. Для студентов он где-то в далеком прошлом, среди борцов против режима — диссидентов вроде Новодворской, которые им уже малоинтересны.

Я убежден, что Высоцкий нуждается в продюсировании. Не в навязывании, Боже упаси. Но надо дать возможность людям прикоснуться к его искусству — и делать это следует на уровне требований

сегодняшнего дня. Поэтому нами, например, устроена акция в спорткомплексе «Олимпийский», где 24 января звезды эстрады будут петь песни Высоцкого. Кто-то считает это профанацией, но на самом деле отец тоже был эстрадный артист — в том смысле, в каком были эстрадными артистами Райкин или Вергинский. Тексты его шуточных песен великолепно воспринимаются, будучи озвучеными другими голосами, более того, в них из-за этого появляются новые юмористические оттенки.

— Вам никогда не было досадно, что пришлось принести в жертву благородному делу,

ведь наших нравов не знал — раскованный такой парижский мальчишка, он не понимал, что в парке Горького полно шпаны и спокойно можно получить по физиономии (ну, тогда все обошлось)... Или однажды я его попросил прийти в школу — у меня был учитель, который мне ставил двойки, семь двоек подряд, я понимал, что он просто хочет познакомиться с отцом. И если бы отец пришел, эти двойки немедленно прекратились бы. У отца в конце жизни действительно был огромный авторитет, он мог, если бы захотел, любую дверь ногой открыть, не то что школьную. Но он не захотел: разбирался сам (теперь думаю, что он был в той ситуации прав).

А незадолго до смерти он мне как-то вдруг предложил: слушай, ты вид здоровый, а 16 тебе еще нет. Давай впишишь тебя в мой паспорт, чтобы ты съездил за границу, посмотрел мир, пока есть такая возможность, потому что по-

Никита Высоцкий: ОН ПЕЛ ДЛЯ ВСЕХ — И БЫЛ ОДИНКОМ

Завтра Владимиру Высоцкому исполнилось бы 60 лет

Фото Анатолия КИСЕЛЕВА.

которым вы сегодня занимаетесь, вашу собственную творческую карьеру?

— Мне грех жаловаться, свой выбор я сделал сам. Да, у меня был период, когда я опасался, что потеряюсь в лучах отцовской славы. После его смерти мне многие так и говорили: тебя это раздавит — вплоть до того, что советовали сменить фамилию. И вот после поступления в институт я стал усиленно стремиться к тому, чтобы «быть самим собой». Я отказывался делиться воспоминаниями — это, дескать, не ко мне, это к его товарищам по театру. Меня звали в этот самый Театр на Таганке — я вежливо благодарил: понимаю, вы в память отца, спасибо...

А потом я вдруг понял: ведь и у меня есть сын, и мне очень не хотелось бы, чтобы он когда-нибудь так же вот от меня открылсяся. Я осознал, что потратил массу энергии и сил, чтобы убежать от того, от чего убежать, в общем, нельзя, более того — грешно. И пока я тут стою из себя Бог знает что, в музее моего отца полнейший бардак, маму, которая пришла туда работать, вызывают, бабушку и дедушку, об этом музее мечтавшие, его просто никогда не увидят. То, что создано отцом, разворовывается пиратами. Уходят из жизни люди, исчезают их архивы. В Театре на Таганке трудный момент, раскалывается труппа, я понимаю, что нужен там, — не как великий актер, а как сын дорогого Володи, который выходит на сцену в спектакле «Владимир Высоцкий»...

Наверное, этот юношеский период отриятия был закономерен: просто мне надо было повзрослеть. И я повзрослел.

— А он сам принимал участие в вашем воспитании? Его хватало на семью?

— За все надо платить: мне кажется, что расставание с мамой он заплатил тем, что семью у него в нашем общепринятом понимании не стало. С Мариной у них была любовь, они, безусловно, являлись друг для друга настоящими мужем и женой, она помогла ему создать уютный очаг в его квартире, которую он получил в 1976 году, — но семьей это не было. Они оба были сильными, творческими людьми. Отец никогда не замыкался на доме. Тем не менее, думаю, разрыв с семьей был для него достаточно болезненным — теперь-то, после того, о чем я вам рассказал, я могу это понять...

Нет, я не считаю себя обделенным его вниманием. Он дарил нам, его сыновьям, подарки, катал на машине, водил в цирк. Конечно, исправно давал маме деньги. В конце его жизни между нами произошло определенное сближение, в последние два-три года я стал чаще бывать у него, он брал меня на концерты, спектакли, я полюбил Таганский театр, и сам он мне очень нравился как актер. Наверное, он почувствовал, что меняюсь, расту, что мне нужно это общение.

— И вы не ощущали никакой обиды на него?

— Не обида, но определенная ревность была. Я помню это чувство — например, когда он пришел с Володей, младшим Марининным сыном, и отвез его вместе с моим старшим братом Аркадием на каток, — считалось, что Аркадий уже большой и может оказать покровительство, Володя

тому на тебя оформлять — заморочишься, ты никогда не выедешь, как я вон сколько лет не мог выехать... Я дико обрадовался — это же тогда была самая заветная мечта: поехать, накупить жвачки и т.д. Но как-то этот разговор завис... И только уже после его смерти у меня состоялось несколько поездок на Запад — все в связи с ним. Вот так получилось, что он свое намерение выполнил: обещал свозить — и свозил...

— Как живет сегодня «клан Высоцкого»?

— У Владимира Семеновича четыре внука и одна внучка — мои и моего старшего брата Аркадия дети, младшему шесть с половиной лет, старшей шестнадцать. Бабушка моя жива-здорова, вот дед, к сожалению, полгода назад умер. Мама помогает с музейом, а основная ее служба — преподавание в лицее. Аркадий работает на телевидении, он профессиональный сценарист, есть у него и работы, связанные с художественным кино.

— С Мариной Владимировной вы общаетесь?

— Сейчас мало общаемся. У нее своя жизнь, своя семья, свои сложности... Было время, смерть отца, эта огромная общая потеря, соединила тех, кто его близко знал. Люди искали друг в друге поддержки, и казалось, так будет всегда. Но потом жизнь взяла свое, мы разные люди, по-разному ко многому относимся — известны, например, наши разногласия насчет памятника на Баганьевском кладбище. Марине он не нравился, я же уверен, что святое право родителей — поставить тот памятник сыну, который они считают нужным... С другой стороны, как директор музея я полагаю, что мы обязательно должны сотрудничать. Во всяком случае, на нынешние юбилейные торжества мы Марине пригласили, и я не теряю надежды, что она приедет.

— Его творчество известно, кажется, до последнего стиха, до последней ноты — и тем не менее оно, сама его жизнь, наивное, содержит загадки.

— Это иллюзия, что про него все известно. Сейчас, например, из Америки должна вернуться большая подборка рукописей, которая туда попала сразу после отцовской смерти, — около 600 листов. Нам передали большой архив из ОВИРа — анкеты отца перед его выездами за границу, где он обещал не разглашать государственную тайну где-нибудь на Таити. Сейчас легко над этим смеяться...

Или вот проблема: существует до 80 вариантов исполнения одной и той же песни — какой вариант считать «классическим»? Со временем, думаю, встанет вопрос об издании академического собрания сочинений Высоцкого.

— Если бы он вдруг ожил сегодня — было бы ему в этой новой жизни комфортнее, чем в той?

— Не думаю. Да, строй изменился — но он же пел не о несовершенстве строя, он пел о несовершенстве людей. Самой своей судьбой отец был обречен на одиночество и непонимание. А еще — я верю в предназначение. Есть неизвестный нам закон, по которому такие люди приходят в мир и уходят из него, когда это угодно Промыслу. Уходят, оставаясь...

Вел беседу

Сергей БИРЮКОВ.

Газета —

24 января 1998 года

- 94 -